

Ричард БАХ

Рассказы

ПИСЬМО ОТ БОГОБОЯЗНЕННОГО ЧЕЛОВЕКА
ЧАЙКА ПО ИМЕНИ ДЖОНАТАН ЛИВИНГСТОН
В награду - крылья

Ричард БАХ

ПИСЬМО ОТ БОГОБОЯЗНЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Я больше не могу молчать. Ведь кто-то должен сказать вам, пилоты аэропланов, как устают те, кто не принадлежит к вашему кругу, от ваших бесконечных разговоров о том, как приятно летать, и приглашений прийти в воскресенье в середине дня, чтобы немножко пролететь с вами и почувствовать, что такое полет.

Ведь кто-то должен категорически сказать вам "НЕТ". Мы не придем в выходной или какой-нибудь другой день, чтобы подняться в воздух в одном из ваших опасных маленьких драндулетов. Нет, мы не считаем, что летать так уж приятно. С нашей точки зрения, мир был бы намного лучшим местом для жизни, если бы братья Райт выбросили на мусорник свои дурацкие планеры и никогда не пускались в полет со скалы Китти-Хоук.

Отчасти мы это можем понять. Мы прощаем каждому его увлеченность, когда он только начинает работать над чем-то очень интересным. Но это постоянное, не прекращающееся ни на один день миссионерство. Создается впечатление, что вы находите что-то священное в том, чтобы болтаться в воздухе, но ни один из вас не знает, как глупо это выглядит со стороны в глазах тех, кому присуще чувство ответственности за свою семью и за своих ближних.

Я бы не писал этого, если бы были какие-то надежды на улучшение обстановки. Но она продолжает ухудшаться с каждым днем. Я работаю на мыловаренном заводе, являюсь представителем хорошей безопасной профессии, мои интересы отстаивает профсоюз, и я буду получать пенсию, когда отработаю положенное время на производстве. Люди, с которыми я работал, были когда-то, прекрасными людьми с развитым чувством ответственности за свои действия, но теперь из шестерых человек, которые работали в нашем цехе, умерло три, пятерых охватила летная лихорадка. Я - единственный оставшийся нормальный человек. Поль Вивер и Джерри Маркес вдвоем уволились с работы неделю назад. Они вместе хотят податься в новый бизнес, который состоит в том, что они будут таскать в воздухе с помощью аэропланов рекламные плакаты.

Я умолял их, спорил с ними и обращал их внимание на финансовые стороны жизни... расчетные чеки, выслугу лет, профсоюз, пенсионное обеспечение... я говорил как будто со стенами. Они знали, что потеряют деньги (...Это только вначале, - говорили они. - ...Пока не разоритесь до конца, - предупреждал я). Но им так понравилась идея полета, что одной этой идеи им было достаточно, чтобы развязаться с работой и уйти с мыловаренного завода... где они проработали пятнадцать лет!

Самое вразумительное объяснение, которое мне удалось услышать от них, состояло в том, что они хотели летать. При этом у них было такое выражение лица, что я понял, что какие бы мотивы они не излагали, я все равно никогда не стану их единомышленником.

Я их действительно не понимаю. У нас все было общим, мы были лучшими друзьями до тех пор, пока не появился этот летный бизнес - так называемый

авиаклуб, который, как чума, захлестнул рабочих завода. Поль и Джерри вышли из клуба игроков в шары в тот самый день, когда вступили в авиаклуб. С тех пор они не возвращались, и, думаю, уже никогда не вернутся назад.

Вчера, когда шел дождь, я не поленился посетить ничтожную маленькую полоску травы, которую они называют аэропортом, чтобы поговорить с парнем который возглавляет авиаклуб. Я хотел сообщить ему, что он разрушает человеческие судьбы и предприятия по всему городу, и если у него еще осталось хоть какое-то чувство ответственности, он сделает вывод и уберется восвояси. В разговоре с ним я и услышал это слово "миссионерство", которое я здесь употребляю в отрицательном смысле. Судя по тому, что он делает, я бы сказал, что он - миссионер дьявола.

Когда я пришел, он работал над одним из аэропланов в большом сарае.

- Может быть, вы не знаете, что делаете, - сказал я. - С тех пор, как вы появились в городе и организовали свой авиаклуб, вы в корне изменили жизни большего количества людей, чем я могу сейчас назвать.

В течение минуты, кажется, он не понимал, как я был зол, потому что сказал:

- Я просто принес с собой эту идею. Они сами начинают чувствовать, что такое полет, - он сказал это так, будто столько разрушенных человеческих жизней было его заслугой.

Мне показалось, что ему около сорока лет, хотя, клянусь, он старше. Он даже не прекратил работать, разговаривая со мной. Самолет, над которым он трудился, был сделан из ткани, обычной старой тонкой ткани, которая была покрашена так, чтобы казаться металлом.

- Мистер, вы занимаетесь бизнесом, - сказал я прямо, - или вы открыли здесь новую церковь? Ты довел людей до того, что они ждут воскресенья, чтобы прибежать сюда, так, как они никогда не ждали его, чтобы сходить в церковь. Ты сделал так, что о близости к Богу заговорили те, кто вообще никогда не произносил слова "Бог" в течение всего времени, что я их знаю, то есть в течение всей своей жизни.

В конце концов он, кажется, начал понимать, что я не очень-то рад разговору с ним, и что, по моему мнению, ему лучше переехать в другое место.

- Извините меня за них, если можете, - сказал он. Но я едва ли мог его слышать. Он залез под приборную панель своего маленького самолетика и принялся раскручивать один из приборов. - Некоторые начинающие пилоты действительно увлекаются. Иногда нужно, чтобы прошло какое-то время, прежде чем они научатся спокойно говорить о своем любимом занятии.

Он вылез на минуту, чтобы выудить из ящика с инструментами отвертку с меньшим жалом. Затем он улыбнулся мне приводящей в ярость самоуверенной улыбкой, которая говорила, что он не собирается убираться отсюда, когда ответственный люди просят его об этом, и добавил:

- Наверное, я - миссионер.

- Ну, это уж слишком, - сказал я. - Я уже достаточно наслушался этих разговоров о полетах, которые даруют мне близость к Богу. Мистер, разве вы когда-нибудь видели Бога на престоле? Разве вы видели когда-нибудь, чтобы ангелы кружились вокруг вашего сколоченного на скорую руку аэроплана? - Я задал ему эти вопросы, чтобы отрезвить его, чтобы сбить с него спесь.

- Нет, - сказал он. - Никогда не видел Бога на престоле и ангелов с белыми крылышками. Равно как не встречал и ни одного пилота, который бы настаивал на том, что видел их. - И снова он залез под приборную панель. - Когда-нибудь на досуге, дружище, я расскажу вам, почему люди начинают говорить о Боге, когда впервые поднимаются в небо на аэроплане.

Он угодил прямо в мою ловушку, даже не произнеся с-вашего-разрешения-сказать. Теперь-то я смогу понаблюдать, как он будет выбираться из нее, как он будет заикаться "ну, знаете ли... это ведь, гм...", как он будет нечленораздельно бормотать что-то, доказывая тем самым, что является не лучшим проповедником Евангелия, чем работником мыловаренного завода.

Продолжайте, продолжайте, мистер Летчик, - сказал я. - Давайте прямо

сейчас. Я вас слушаю. - Я не потрудились сказать ему, что принимаю участие во всех религиозных встречах, которые проходили в городе за последние тридцать лет. Мне даже было немного жаль его, потому что он не знал, с кем разговаривает. Но ведь он сам поставил себя в такое положение, занявшись своим смехотворным авиаклубным бизнесом.

- Хорошо, - сказал он, - давайте уделим минуту тому, чтобы определить, о чем мы будем разговаривать. Вместо того, чтобы говорить "Бог", давайте будем, например, говорить "небо". Естественно, небо - это не Бог, но для людей, которые любят летать высоко над землей, небо может быть символом Бога, и это - не такой уж и плохой символ, если вы задумаетесь над ним.

Когда вы становитесь пилотом аэроплана, вы начинаете по-другому чувствовать небо. Небо всегда сверху... его невозможно скрыть, убрать, сковать цепями или подорвать. Небо просто существует, независимо от того, признаем мы это или нет, смотрим мы на него или нет, любим мы его или ненавидим. Оно есть; спокойное, громадное, всегда там. Если вы не понимаете его, оно кажется очень загадочным, не так ли? Оно всегда движется, но никогда не уходит. Ему никогда нет дела ни до чего другого, кроме себя. - Он вынул прибор из панели, но продолжал говорить, никуда не торопясь.

- Небо всегда было, оно всегда будет. Оно все понимает правильно, никогда не обижается и не требует, чтобы мы делали что-то каким-то определенным образом, в какое-то конкретное время. Поэтому оно является не таким уж и плохим символом Бога, не правда ли?

Было похоже на то, что он разговаривает сам с собой, отсоединяя провода, вынимая прибор, - все это он делал медленно и осторожно.

- Это довольно плохой символ, - сказал я, - ведь Бог требует...

- Погодите, - сказал он, и мне показалось, что он вот-вот засмеется, глядя на меня. - Бог не требует ничего до тех пор, пока мы не просим ничего. Но как только мы желаем получить что-то от него, мы сразу сталкиваемся с требованиями, правильно? Так же и с небом. Небо не требует от нас ничего до тех пор, пока мы ничего не хотим получить от него, до тех пор, пока мы не стремимся полететь. После этого сразу же появляются всевозможные требования к нам и законы, которым мы должны подчиняться.

- Кто-то однажды сказал, что религия - это способ поиска истинного, и это неплохое определение. Религия пилота - полет... в полете он постигает истину неба. При этом он должен подчиняться его законам. Законы вашей религии известны мне, а законы нашей называются "аэродинамика". Следуйте им, работайте с ними, и вы полетите. Если вы не следуете им, никакие слова и высокопарные фразы не заменят настоящий полет... вы никогда не оторветесь от земли.

Здесь я поймал его.

- А как насчет веры, мистер Летчик? Ведь человек должен верить, чтобы...

- Забудьте об этом. Единственное, что требуется, - это следовать законам. Да, конечно, для того, чтобы попробовать, мне кажется, нужна вера, но вера - это не совсем подходящее слово. Желание - подходит лучше. Человек должен желать познать небо для того, чтобы воспользоваться законами аэродинамики и убедиться, что они работают. Однако в итоге все сводится к тому, как он следует этим законам, а не к тому, верит он в них или нет.

Существует, например, такой небесный закон, который утверждает, что если вы будете двигаться в этом аэроплане против ветра со скоростью сорок пять миль в час, опустив хвост вниз на высоту пропеллера, он взлетит в воздух. Он начнет удаляться от земли и приближаться к небу. Затем в силу вступают другие законы, но этот закон - едва ли не самый главный. Вам не нужно верить в него. Вам нужно лишь попробовать разогнать аэроплан до скорости сорок пять миль в час, и тогда вы во всем убедитесь сами. Когда вы сделаете это много раз, вы убедитесь, что этот закон всегда работает. Закону дела нет до того, верите вы в него или нет. Он просто работает

каждый раз, и все тут.

Вера никуда вас не переместит, но если вы обладаете знаниями, пониманием, вы можете путешествовать куда угодно. Если вы не понимаете закон, тогда рано или поздно вы нарушите его. Нарушая законы аэродинамики, вы довольно быстро вывалитесь из неба, уверяю вас.

Он вылез из-под приборной панели, улыбаясь, будто вспомнил какой-то конкретный случай. Но он не сказал мне о нем ничего.

- Можно сказать, что нарушение закона со стороны пилота приравнивается к тому, что вы называете грехом. Вы можете даже сформулировать определение греха так: это нарушение Божественного Закона, или как-то по-иному. Но все, что я понимаю в том, что вы называете грехом, сводится к тому, что что-то неопределенно отвратительное вы не должны делать по причинам, которые не до конца поняты вами. Во всем, что связано с полетом, нет никаких грехов. В этом отношении у пилота не может возникнуть недоразумений.

Если вы нарушаете законы аэродинамики, если вы пытаетесь удержать угол атаки семьдесят градусов на крыле, которое останавливается в полете при пятидесяти градусах, вы быстро потеряете из виду Бога, падая отвесно вниз, как любая другая тяжелая вещь. Если вы не покаетесь и не согласуете свое движение с аэродинамикой в течение довольно непродолжительного промежутка времени, вам придется понести наказание - в виде уплаты огромного счета за ремонт аэроплана - прежде чем вы снова сможете подняться в небо. В полете вы чувствуете себя свободно только в том случае, если повинуетесь законам неба. Если вы не желаете повиноваться им, остаток своей жизни вам придется провести прикованным к земле. Для пилотов аэропланов это является адом.

В так называемой религии этого человека были такие большие дыры, что через них можно было проехать на грузовике.

- Все, что вы сделали, - сказал я, - это заменили христианские термины своими летными словами! Все, что вы сделали...

- Совершенно верно. Небо - не самый совершенный символ, но его намного легче понять, чем большинство современных интерпретаций Библии. Когда пилот теряет скорость в верхней точке мертвой петли и начинает падать, никто не говорит, что это происходит по воле неба. В этом нет ничего таинственного. Парень не выдержал правила, в соответствии с которым он должен был лететь более аккуратно и не пытаться сделать угол атаки слишком большим при данном весе самолета. Вот почему он начал падать. Он согрешил, вы можете сказать, но мы не считаем это отвратительным поступком, мы не будем бросать в него камни за это. Этот инцидент говорит сам за себя и дает понять, что ему есть еще чему поучиться, летая в небе.

Падая вниз, этот пилот не угрожает кулаком небу... он недоволен собой, недоволен тем, что не придерживался правил. Он не просит у неба снисхождения, не возжигает перед ним благовония, он снова поднимается в воздух и исправляет свою ошибку, делая на этот раз все правильно. Возможно, ему достаточно лишь увеличить скорость полета перед началом мертвой петли. Поэтому он может простить себе этот грех только тогда, когда он исправил ошибку. Его прошение в том и состоит, что он теперь вернул себе чувство гармонии с небом, а его мертвые петли стали удачными и красивыми. Вот что для пилота означает рай... это достижение гармонии с небом, знание его законов и следование им.

Он взял другой прибор со скамьи и снова заполз в свой аэроплан.

- Можно продолжать дальше столько, сколько вам угодно, - сказал он. - Тот, кто не знает законов неба, сочтет чудом то, что большой тяжелый аэроплан будто по мановению волшебной палочки отрывается от земли, не цепляясь ни за что, кроме воздуха. Но это кажется чудом только до тех пор, пока вы не узнаете больше о небе. Пилот не считает, что это чудо.

Пилот самолета с мотором не говорит: "Вот так чудо!", когда видит, как безмоторный планер набирает высоту. Он знает, что планерист действительно внимательно изучил небо, и теперь претворяет в жизнь свои знания.

Возможно, вы не согласитесь со мной, когда я скажу, что мы не поклоняемся небу, как чему-то сверхъестественному. Нам не кажется, что нужно воздвигать храмы или приносить ему жертвы. Мы считаем, что нам нужно только понять небо, познать его законы, влияние этих законов на нашу жизнь. Лишь так мы можем достичь лучшей гармонии с небом и найти свободу. Вот откуда берется радость, которая вынуждает все новых пилотов садиться на землю и говорить о том, что они были рядом с Богом.

Он плотно привинтил провода к новому прибору и внимательно проверил их подключение.

- Когда начинающий пилот делает свои первые шаги в понимании небесных законов и видит, что они работают в его руках точно так же, как в руках других пилотов, тогда полет начинает приносить ему радость, и он, возможно, ожидает возвращения в аэропорт так, как проповедники хотели бы, чтобы их прихожане ожидали прихода в церковь. Каждый день пилот изучает что-то новое, что-то такое, что приносит радость и свободу от привязанности к земле. Другими словами, пилот, изучающий небо, познает реальность. Он счастлив, и каждый день для него - праздник. Разве не так должны чувствовать себя прихожане?

Наконец я поймал его.

- Значит, ваша религия говорит, что ваши пилоты не являются ничтожными грешниками, которым вскоре придется мучиться в аду и жариться в вечном огне проклятия?

Он снова улыбнулся той приводящей в ярость улыбкой, которая не давала мне даже удовольствия думать, что он ненавидит меня.

- Нет конечно же, если они могут удачно выйти из мертвой петли...

Он закончил работать с аэропланом и выкатил его из сарая на солнечный свет. Облаков уже почти не осталось.

- Я думаю, что вы - язычники. Как вам это нравится - спросил я со всей злостью, которая была во мне. Я надеялся, что молния тут же поразит его насмерть, чтобы доказать ему, каким неисправимым язычником он в действительности является.

- Вот что я вам скажу, - ответил он. - Мне нужно проверить, как работает этот прибор. Почему бы вам не пролететь со мной немножко над полем, и тогда вы сами сможете сделать вывод о том, кто мы - язычники или сыны Божии.

Я сразу понял, на что он намекает... он хочет вытолкнуть меня за борт, когда мы будем высоко над землей, или попасть в воздушную яму и погибнуть вместе со мной из ненависти ко мне.

- Нет, только не это! Не надо поднимать меня в небо в этом гробу. Я - вам не чета, вы это знаете. Вы - язычник и будете вечно жариться в адском пламени. Его слова прозвучали так, будто он сказал их для себя, а не для меня... так тихо, что я едва ли расслышал его.

- Не буду до тех пор, пока повинюсь законам неба, - сказал он.

Он забрался в свой маленький матерчатый аэроплан и завел мотор.

- Вы уверены, что не желаете прокатиться вверх - крикнул он.

Я не удостоил его ответом, и он поднялся в воздух сам.

Так слушайте же меня, вы, летающие люди, которые говорят о своем знании неба и о своих законах аэродинамики. Если вы говорите, что небо - это Бог, вы оскверняете тайну, навлекаете на себя проклятие, и молния поразит вас и все другие бедствия будут преследовать вас за ваше святотатство. Спуститесь же с неба, придите в себя и никогда больше не требуйте, чтобы мы приходили к вам в воскресенье в середине дня.

Воскресенье - это день богослужения. Не забывайте об этом.

Ричард Бах

В награду -- крылья.

3. Я никогда не слышал ветра.

Открытые кабины, летающие калоши и пучеглазые летческие очки канули в Лету. Кабины ныне -- музейные экспонаты: изысканный интерьер, кондиционеры, солнцезащитные стекла et cetera. Я обсасывал эту мысль достаточно долго, но, в конце концов, она потонула в бередящей душу предрешенности. Нам приходится принимать возросший комфорт и всепогодность современной легкой авиации. Но разве ЭТО единственные критерии наслаждения полетом? А удовольствие пожалуй главная стоящая причина, по которой большинство из нас начало летать. Мы желали испытать на себе что же такое свободный полет. Мне думается, в отдаленном уголке нашего разума, пока мы вытягивали наши бипланчики в небо, гуляла мысль "Это не то, чтобы совсем то, но это полет и, значит, в общем-то, то". Закрытая кабина защищает от дождя и позволяет без помех выкурить сигаретку-другую. Вот уж поистину удобство для неисправимых курильщиков и добродетель "Инструкции по управлению самолетом". Но разве это полет?

Полет -- это свист ветра, воздушные ямы, запах бензиновых выхлопов и рокот двигателя. Полет -- это облачная влага на щеке и пот под шлемом.

Я никогда не летал на аэропланах с открытой кабиной. Я никогда не слышал ветра, запутавшегося в распорках крыльев. И мне никогда не приходилось осознавать, что меня от земли отделяет только ремень безопасности. Я мог обо всем этом лишь читать. Научно-технический прогресс обрек нас на бесцветное существование; неужели мы всего лишь люди, перевозящие груз из пункта А в пункт Б по воздуху? И что мы волнуемся единственно рассказывая как нужно отцентровывать стрелочки при посадке по приборам? И что мы балдеем каждый раз, сверяя показания этих приборов с точностью до плюс-минус пятнадцати секунд?

Конечно нет. Разумеется, все это посадочное оборудование и сверки занимают важное место. Но неужели мокрая от пота задница и ветер в распорках не имеют права на свое место?

Есть ветераны о толстых полетных журналах что бросают это дело, налетав по десять тысяч часов. Они стараются забыть само ощущение полета. Но оно возвращается к ним всякий раз. Испытано жизнью.

Это не для меня. Первым в 1955 году я оседлал "Ласкомб 8Е". Уже никаких открытых кабин, никаких распорок. А ведь мы были новичками. Самолет этот был громающим чудовищем. Тем не менее он был способен пребывать над кышащей автострадой. И мне даже казалось, что я летаю.

Потом я увидел "Ньюпорт" Пауля Манца. Я трогал дерево, ткань и распорки и балдел. Эта штукавина позволила моему отцу сверху наблюдать за войнушкой в земной грязи. Я больше никогда не испытывал столь вкусных чувств, ни один самолет не вызывал у меня таких эмоций -- ни "Цесна-140", ни "Трай-Пэйсер, ни даже "F-100".

Военно-воздушные силы научили меня летать на современных самолетах в наилучшей манере; попробуй только не обращать внимания на указатель скорости. Ну, и я летал. На "птичках" и 8бых, на "С-123" и "F-100". И ветер никогда не шебуршился у меня в волосах. Да и как? Это же ему какой путь проделать надобно. Сначала через колпак ("ВНИМАНИЕ -- не открывать на высотах больше 50 узлов по стандарту Национального аэронавтического института"), потом через шлем ("Господа, квадратный дюйм этого фибростекла способен выдержать восьмидесятифунтовый удар"). Кислородная маска и наглазник довершают мое отделение от возможных контактов с ветром.

Вот так оно сейчас. Можете и не братья воевать с "МИГами" на SE-5. Но дух "пятерки" никогда не пропадал. Согласитесь. А после того, как я посажу мою "F-соточку (вырубает мощность как только главное шасси касается бетонки, клюешь носом, выбрасываешь тормозной парашют, жмешь на тормоза пока не перестанешь ощущать скольжение), почему я не могу пересечь узенькую полосочку травы и не полетать на "раме" "Фоккере D-7" с полутора сотнями современных лошадок на морде? Я бы дорого дал за такую возможность.

Моя "сотка" очень резво перемахивает за один "мах", но я не чувствую этой скорости. На высоте сорока тысяч футов скучно-однообразный пейзаж еле плетется под топливными баками, словно я и вовсе не выползал из двадцати пяти миль в час. "Фоккер" же с трудом делает сотню миль с небольшим хвостиком, но происходит это всего в пятистах футах от земли, да ты еще впридачу почти голый на ветру. Кайф! Деревья и кустики не смазываются высотой и скоростью. И что самое главное, спидометр никогда не зашкалит, как это частенько бывает за "махом". И ветерок шумит сам по себе и говорит мне когда нужно слегка наклонить нос и приготовиться прыгнуть на штурвал, ведь этот самолетик не умеет приземляться самостоятельно.

"Мужик, ты чего, собрался построить "раму" с современным движком? -- спросите вы. -- Так ты за такие бабки можешь заполучить целого четырехместного красавца!"

Да на хрена мне тот четырехместный дерьмовоз?! Я летать хочу!

(C) 1960 by Richard Bach
перевод (C) 1993 by Борис Сидюк

перевод сделан 20 ноября 1993 года

ЧАЙКА ПО ИМЕНИ ДЖОНАТАН ЛИВИНГСТОН

Richard Bach

Повесть-притча

Невыдуманному Джонатану-чайке,
который живет в каждом из нас.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Настало утро, и золотые блики молодого солнца заплясали на едва заметных волнах спокойного моря.

В миле от берега с рыболовного судна забросили сети с приманкой, весть об этом мгновенно донеслась до Стаи, ожидавшей завтрака, и вот уже тысяча чаек слетелась к судну, чтобы хитростью или силой добыть крохи пищи. Еще один хлопотливый день вступил в свои права.

Но вдали от рыболовного судна и от берега в полном одиночестве совершала свои тренировочные полеты чайка по имени Джонатан Ливингстон. Взлетев на сто футов в небо, Джонатан опустил перепончатые лапы, приподнял клюв, вытянул вперед изогнутые дугой крылья и, преодолевая боль, старался удержать их в этом положении. Вытянутые вперед крылья снижали ско-

рость, и он летел так медленно, что ветер едва шептал у него над ухом, а океан под ним казался недвижимым. Он прищурил глаза и весь обратился в одно-единственное желание: вот он задержал дыхание и чуть... чуть-чуть... на один дюйм... увеличил изгиб крыльев. Перья взъерошились, он совсем потерял скорость и упал.

Чайки, как вы знаете, не раздумывают во время полета и никогда не останавливаются. Остановиться в воздухе - для чайки бесчестье, для чайки это - позор.

Но Джонатан Ливингстон, который, не стыдясь, вновь выгибал и напрягал дрожащие крылья - все медленнее, медленнее и опять неудача, - был не какой-нибудь заурядной птицей.

Большинство чаек не стремятся узнать о полете ничего, кроме самого необходимого: как долететь от берега до пищи и вернуться назад. Для большинства чаек главное - еда, а не полет. Для этой же чайки главное было не в еде, а в полете. Больше всего на свете Джонатан Ливингстон любил летать.

Но подобное пристрастие, как он понял, не внушает уважения птицам. Даже его родители были встревожены тем, что Джонатан целые дни проводит в одиночестве и, занимаясь своими опытами, снова и снова планирует над самой водой.

Он, например, не понимал, почему, летая на высоте, меньшей полуразмаха своих крыльев, он может держаться в воздухе дольше и почти без усилий. Его планирующий спуск заканчивался не обычным всплеском при погружении лап в воду, а появлением длинной вспененной струи, которая рождалась, как только тело Джонатана с плотно прижатыми лапами касалось поверхности моря. Когда он начал, поджимая лапы, планировать на берег, а потом измерять шагами след, оставляемый на песке, его родители, естественно, встревожились не на шутку.

- Почему, Джон, почему? - спрашивала мать. - Почему ты не можешь вести себя как все мы? Почему ты не предоставишь полеты над водой пеликанам и альбатросам? Почему ты ничего не ешь? Сын, от тебя остались перья да кости.

- Ну и пусть, мама, от меня остались перья да кости. Я хочу знать, что я могу делать в воздухе, а чего не могу. Я просто хочу знать.

- Послушай-ка, Джонатан, - говорил ему отец без тени недоброжелательности. - Зима не за горами. Рыболовные шхуны будут появляться все реже, а рыба, которая теперь плавает на поверхности, уйдет в глубину. Если тебе непременно хочется учиться, изучай пищу, учись ее добывать. Полеты - это, конечно, очень хорошо, но одними полетами сыт не будешь. Не забывай, что ты летаешь ради того, чтобы есть.

Джонатан покорно кивнул. Несколько дней он старался делать то же, что и все остальные, старался изо всех сил: пронзительно кричал и дрался с сородичами у пирсов и рыболовных судов, нырял за кусочками рыбы и хлеба. Но у него ничего не получалось.

"Какая бессмыслица, - подумал он и решительно швырнул с трудом добытого анчоуса голодной старой чайке, которая гналась за ним. - Я мог бы потратить все это время на то, чтобы учиться летать. Мне нужно узнать еще так много!"

И вот Джонатан снова один далеко в море - голодный, радостный, пытливый.

Он изучал скорость полета и за неделю тренировок узнал о скорости больше, чем самая быстролетная чайка на этом свете.

Поднявшись на тысячу футов над морем, он бросился в крутое пики, изо всех сил махая крыльями, и понял, почему чайки пикируют, сложив крылья. Всего через шесть секунд он уже летел со скоростью семьдесят миль в час, со скоростью, при которой крыло в момент взмаха теряет устойчивость.

Раз за разом одно и то же. Как он ни старался, как ни напрягал силы, на высокой скорости он терял управление.

Подъем на тысячу футов. Мощный рывок вперед, переход в пики, напряженные взмахи крыльев и отвесное падение вниз. А потом каждый раз его

левое крыло вдруг замирало при взмахе вверх, он резко кренился влево, переставал махать правым крылом, чтобы восстановить равновесие, и, будто пожираемый пламенем, кувырком через правое крыло входил в штопор.

Несмотря на все старания, взмах вверх не удавался. Он сделал десять попыток, и десять раз, как только скорость превышала семьдесят миль в час, он обращался в неуправляемый комок взъерошенных перьев и камнем летел в воду.

Все дело в том, понял наконец Джонатан, когда промок до последнего перышка, все дело в том, что при больших скоростях нужно удерживать раскрытые крылья в одном положении - махать, пока скорость не достигнет пятидесяти миль в час, а потом держать в одном положении.

Он поднялся на две тысячи футов и попытался еще раз: входя в пике, он вытянул клюв вниз и раскинул крылья, а когда достиг скорости пятьдесят миль в час, перестал шевелить ими. Это потребовало неимоверного напряжения, но он добился своего. Десять секунд он мчался неуловимой тенью со скоростью 90 миль в час. Джонатан установил мировой рекорд скоростного полета для чаек!

Но он недолго упивался победой. Как только он попытался выйти из пике, как только он слегка изменил положение крыльев, его подхватил тот же безжалостный неодолимый вихрь, он мчал его со скоростью 90 миль в час и разрывал на куски, будто динамит. Невысоко над морем Джонатан-Чайка не выдержал и рухнул на твердую, как камень, воду.

Когда он пришел в себя, была уже ночь, он плыл в лунном свете по глади океана. Изодранные крылья были налиты свинцом, но бремя неудачи легло на его спину еще более тяжким грузом. У него появилось смутное желание, чтобы этот груз незаметно увлек его на дно, и тогда наконец все будет кончено.

Он начал погружаться в воду и вдруг услышал где-то в себе незнакомый глухой голос: "У меня нет выхода. Я чайка. Я могу только то, что могу. Родись я, чтобы узнать так много о полетах, у меня была бы не голова, а вычислительная машина. Родись я для скоростных полетов, у меня были бы короткие крылья, как у сокола, и я питался бы мышами, а не рыбой. Мой отец прав. Я должен забыть об этом безумии. Я должен вернуться домой, к своей стае, и довольствоваться тем, что я та-кой, какой есть, - жалкая, слабая чайка".

Голос умолк, и Джонатан смирился. "Ночью место чайки на берегу, и отныне, - решил он, - я не буду ничем отличаться от других. Так будет лучше для нас всех".

Он устало оттолкнулся от темной воды и полетел к берегу, радуясь, что успел научиться летать на небольшой высоте с минимальной затратой сил.

"Но нет, - подумал он. - Я отказался от жизни, я отказался от всего, чему научился. Я такая же чайка, как и все остальные, и я буду летать так, как летают чайки". С мучительным трудом он поднялся на сто футов и энергичнее замахал крыльями, торопясь домой.

Он почувствовал облегчение от того, что принял решение жить, как живет Стая. Распались цепи, которыми он приковал себя к колеснице познания: не будет борьбы, не будет поражений. Как приятно перестать думать и лететь в темноте к береговым огням.

- ТЕМНОТА! - раздался вдруг тревожный глухой голос. - ЧАЙКИ НИКОГДА НЕ ЛЕТАЮТ В ТЕМНОТЕ!

Но Джонатану не хотелось слушать. "Как приятно, - думал он. - Луна и отблески света, которые играют на воде в ночи, как цепочки стальных огней, и кругом все так мирно и спокойно..."

- Спустись! Чайки никогда не летают в темноте. Родись ты, чтобы летать в темноте, у тебя были бы глаза совы! У тебя была бы не голова, а вычислительная машина! У тебя были бы короткие крылья сокола!

Там, в ночи, на высоте ста футов, Джонатан Ливингстон прищурил глаза. Его боль, его решение - от них не осталось и следа.

Короткие крылья. КОРОТКИЕ КРЫЛЬЯ СОКОЛА!

Вот в чем разгадка! "Какой же я дурак! Все, что мне нужно, - это кро-

шечное, совсем маленькое крыло; все, что мне нужно, - это почти полностью сложить крылья и во время полета шевелить одними только кончиками. КОРОТКИЕ КРЫЛЬЯ!"

Он поднялся на две тысячи футов над черной массой воды и, не задумываясь ни на мгновение о неудаче, о смерти, плотно прижал к телу широкие части крыльев, подставив ветру только узкие, как кинжалы, концы - перо в перо - и вошел в отвесное пике.

Ветер оглушительно ревел у него над головой. Семьдесят миль в час, девяносто, сто двадцать, еще быстрее! Сейчас при скорости сто сорок миль в час, он не чувствовал такого напряжения, как раньше при семидесяти; едва заметного движения концами крыльев оказалось достаточно, чтобы выйти из пике, и он пронесся над волнами как пушечное ядро, серое при свете луны.

Он сощурился, чтобы защитить глаза от ветра, и его охватила радость. "Сто сорок миль в час! Не теряя управления! Если я начну пикировать с пяти тысяч футов, а не с двух, интересно, с какой скоростью..."

Благие намерения позабыты, унесены стремительным, ураганным ветром. Но он не чувствовал угрызений совести, нарушив обещание, которое только что дал самому себе. Такие обещания связывают чаек, удел которых - заурядность. Для того, кто стремится к знанию и однажды достиг совершенства, они не имеют значения.

На рассвете Джонатан возобновил тренировку. С высоты пяти тысяч футов рыболовные шхуны казались щепочками на голубой поверхности моря, а Стая за завтраком - легким облаком пляшущих пылинок.

Он был полон сил и лишь слегка дрожал от радости, он был горд, что сумел побороть страх. Не раздумывая, он прижал к телу переднюю часть крыльев, подставил кончики крыльев - маленькие уголки! - ветру и бросился в море. Пролетев четыре тысячи футов, Джонатан достиг предельной скорости, ветер превратился в плотную вибрирующую стену звуков, которая не позволяла ему двигаться быстрее. Он летел отвесно вниз со скоростью двести четырнадцать миль в час. Он понимал, что если его крылья раскроются на такой скорости, то он, чайка, будет разорван на миллион клочков... Но скорость - это мощь, скорость - это радость, скорость - это незамутненная красота.

На высоте тысячи футов он начал выходить из пике. Концы его крыльев были смяты и изуродованы ревушим ветром, шхуна и стая чаек накренились и с фантастической быстротой вырастали в размерах, преграждая ему путь.

Он не умел останавливаться, он даже не знал, как повернуть на такой скорости.

Столкновение - мгновенная смерть.

Он закрыл глаза.

Так случилось в то утро, что на восходе солнца Джонатан Ливингстон, закрыв глаза, достиг скорости двести четырнадцати миль в час и под оглушительный свист ветра и перьев врезался в самую гущу стаи за завтраком. Но Чайка Удачи на этот раз улыбнулась ему - никто не погиб.

В ту минуту, когда Джонатан поднял клюв в небо, он все еще мчался со скоростью сто шестьдесят миль в час. Когда ему удалось снизить скорость до двадцати миль и он смог наконец расправить крылья, шхуна находилась на расстоянии четырех тысяч футов позади него и казалась точкой на поверхности моря.

Он понимал, что это триумф! Предельная скорость! ДВЕСТИ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ МИЛЬ В ЧАС ДЛЯ ЧАЙКИ! Это был прорыв, незабываемый, неповторимый миг в истории Стаи и начало новой эры в жизни Джонатана. Он продолжал одинокие тренировки, он складывал крылья и пикировал с высоты восемь тысяч футов и скоро научился делать повороты.

Он понял, что на огромной скорости достаточно на долю дюйма изменить положение хотя бы одного пера на концах крыльев, и уже получается широкий плавный разворот. Но задолго до этого он понял, что, если на такой скорости изменить положение хотя бы двух перьев, тело начнет вращаться, как ружейная пуля, и... Джонатан был первой чайкой на земле, которая на-

училась выполнять фигуры высшего пилотажа.

В тот день он не стал тратить время на болтовню с другими чайками; солнце давно село, а он все летал и летал. Ему удалось сделать мертвую петлю, замедленную бочку, многовитковую бочку, перевернутый штопор, обратный иммельман, вираж.

Была уже глухая ночь, когда Джонатан подлетел к стае на берегу. У него кружилась голова, он смертельно устал. Но, снижаясь, он с радостью сделал мертвую петлю, а перед тем, как приземлиться, еще и быструю бочку. "Когда они услышат об этом, - он думал о Прорыве, - они обезумеют от радости. Насколько полнее станет теперь жизнь! Вместо того, чтобы уныло сновать рядом с берегом и рыболовными шхунами - знать, зачем живешь! Мы покончим с невежеством, мы станем существами, которым доступно совершенство и мастерство. Мы станем свободными! Мы научимся летать!"

Будущее было заполнено до предела, оно сулило столько заманчивого!

Когда он приземлился, все чайки были в сборе, потому что начинался Совет; Видимо, они собрались уже довольно давно. На самом деле они ждали.

- Джонатан Ливингстон! Выйди на середину! - Слова Старейшего звучали торжественно. Приглашение выйти на середину означало или величайший позор, или величайшую честь. Круг Чести - это дань признательности, которую чайки платили своим великим вождям. "Ну конечно, - подумал он, - ут-ро, Стая за завтраком, они видели Прорыв! Но мне не нужны почести. Я не хочу быть вождем. Я хочу только поделиться тем, что я узнал, показать им, какие дали открываются перед нами". Он сделал шаг вперед.

- Джонатан Ливингстон, - сказал Старейший, - выйди на середину, ты покрыл себя Позором перед лицом своих соплеменников.

Его будто ударили доской! Колени ослабели, перья обвисли, в ушах зашумело. Круг Позора? Не может быть! Прорыв! Они не поняли! Они ошиблись, они ошиблись!...

- своим легкомыслием и безответственностью, - текла торжественная речь, - тем, что попрал достоинство и обычаи Семьи Чаек...

Круг Позора означает изгнание из Стаи, его приговорят жить в одиночестве на Дальних Скалах....

- настанет день, Джонатан Ливингстон, когда ты поймешь, что безответственность не может тебя прокормить. Нам не дано постигнуть смысл жизни, ибо он непостижим, нам известно только одно: мы брошены в этот мир, чтобы есть и оставаться в живых до тех пор, пока у нас хватит сил.

Чайки никогда не возражают Совету Стаи, но голос Джонатана нарушил тишину.

- Безответственность? Собратья! - воскликнул он. - кто более ответственен, чем чайка, которая открывает, в чем значение, в чем высший смысл жизни, и никогда не забывает об этом? Тысячу лет мы рыщем в поисках рыбьих голов, но сейчас понятно наконец, зачем мы живем: чтобы познавать, открывать новое, быть свободным! Дайте мне возможность, позвольте мне показать вам, чему я научился...

Стая будто окаменела.

- Ты нам больше не брат, - хором нараспев проговорили чайки, величественным взмахом крыльев закрыли уши и повернулись к нему спинами..

Джонатан провел остаток своих дней один, но он улетал на много миль от Дальних Скал. И не одиночество его мучило, а то, что чайки не захотели поверить в радость полета, не захотели открыть глаза и увидеть!

Каждый день он узнавал что-то новое. Он узнал, что, придав телу обтекаемую форму, он может перейти в скоростное пикирование и добыть редкую вкусную рыбу из той, что плавает в океане на глубине десяти футов; он больше не нуждался в рыболовных шхунах и в корочке хлеба. Он научился спать в воздухе, научился не сбиваться с курса ночью, когда ветер дует с берега, и мог пролететь сотни миль от заката до восхода солнца. С таким же самообладанием он летел в плотном морском тумане и прорывался к чистому, ослепительно сияющему небу... в то самое время, когда другие чайки жались к земле, не подозревая, что на свете существует что-то, кроме ту-

мана и дождя. Он научился залетать вместе с сильным ветром далеко в глубь материка и ловил на обед аппетитных насекомых.

Он радовался один тем радостям, которыми надеялся когда-то поделиться со Стаей, он научился летать и не жалел о цене, которую за это заплатил. Джонатан понял почему так коротка жизнь чаек: ее съедают скука, страх и злоба, но он забыл о скуке, страхе и злобе и прожил долгую счастливую жизнь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

А потом однажды вечером, когда Джонатан спокойно и одиноко парил в небе, которое он так любил, прилетели они. Две белые чайки, которые появились около его крыльев, сияли как звезды и освещали темное небо мягким, ласкающим светом. Но еще удивительнее было их мастерство: они летели, неизменно сохраняя расстояние точно в один дюйм между своими и его крыльями.

Не проронив ни слова, Джонатан подверг их испытанию, которого ни разу не выдержала ни одна чайка. Он изменил положение крыльев так, что скорость полета резко замедлилась: еще на милю в час меньше - и падение неизбежно. Две сияющие птицы, не нарушая дистанции, плавно снизили скорость одновременно с ним. Они умели летать медленно!

Он сложил крылья, качнулся из стороны в сторону и бросился в пике со скоростью сто девяносто миль в час. Они понеслись вместе с ним, безупречно сохраняя строй.

Наконец, он на той же скорости перешел в длинную вертикальную замедленную бочку. Они улыбнулись и сделали бочку одновременно с ним.

Он перешел в горизонтальный полет, некоторое время летел молча, а потом сказал:

- Прекрасно. - И спросил: - Кто вы?

- Мы из твоей Стаи, Джонатан, мы твои братья. - Они говорили спокойно и уверенно. - Мы прилетели, чтобы позвать тебя выше, чтобы позвать тебя домой.

- Дома у меня нет. Стаи у меня нет. Мы летим сейчас на вершину Великой Горы Ветров. Я могу поднять свое дряхлое тело еще на несколько сот футов, но не выше.

- Ты можешь подняться выше, Джонатан, потому что ты учился. Ты окончил одну школу, теперь настало время поступить в другую.

Джонатан жил этой мыслью всю свою жизнь, поэтому Джонатан понял, понял мгновенно. Они правы. Он может летать выше, и ему пора возвращаться домой. Он бросил последний долгий взгляд на небо, на эту великолепную серебряную страну, где он так много узнал.

- Я готов, - сказал он наконец.

И Джонатан Ливингстон поднялся ввысь вместе с двумя чайками, яркими как звезды, и исчез в непроницаемой темноте неба..

"Так это и есть небеса", - подумал он и не мог не улыбнуться про себя. Наверное, это не очень почтительно - размышлять, что такое небеса, едва ты там появился.

Теперь, когда он расстался с Землей и поднялся над облаками крыло к крылу с двумя лучезарными чайками, он заметил, что его тело постепенно становится таким же лучистым. Конечно, оно принадлежало все тому же молодому Джонатану, который всегда жил за зрачками его золотистых глаз, но внешне оно переменялось.

Оно осталось телом чайки, и все-таки никогда прежде Джонатану не леталось так хорошо. "Как странно, - думал он, - я трачу вдвое меньше усилий, а лечу вдвое быстрее, я в силах сделать вдвое больше, чем в мои лучшие дни на Земле!"

Его белые перья сверкали и искрились, а крылья стали безукоризненно гладкими, как отполированные серебряные пластинки. Он с восторгом начал изучать их и прилагать силу своих мускулов к этим новым крыльям.

При скорости двести пятьдесят миль в час он почувствовал, что приближается к максимальной скорости горизонтального полета. При скорости двести семьдесят три мили он понял, что быстрее летать не в силах, и испытал некоторое разочарование. Возможности его нового тела тоже были ограничены, правда, ему удалось значительно превзойти свой прежний рекорд, но предел все-таки существовал, и чтобы его превзойти, нужны были огромные усилия. "На небесах, - думал он, - не должно быть никаких пределов".

Облака расступились, его провожатые прокричали:

- Счастливой посадки, Джонатан! - и исчезли в прозрачном воздухе.

Он летел над морем к изрезанному гористому берегу. Пять-шесть чаек отрабатывали взлеты на скалах. Далеко на севере, у самого горизонта, летало еще несколько чаек. Новые мысли, новые вопросы. "Почему так мало чаек? На небесах должны быть стаи и стаи чаек. И почему я вдруг так устал? На небесах чайки как будто никогда не устают и никогда не спят."

Где он об этом слышал? События его земной жизни отодвигались все дальше и дальше. Он многому научился на Земле, это верно, но подробности припоминались с трудом: кажется, чайки дрались из-за пищи, и он был Изгнанником.

Когда он приблизился к берегу, дюжина чаек взлетела ему навстречу, но ни одна из них не проронила ни слова. Он только чувствовал, что они рады ему и что он здесь дома. Этот день был очень длинным, таким длинным, что он забыл, когда взошло солнце.

Он развернулся, чтобы приземлиться, взмахнул крыльями, застыл в воздухе на высоте одного дюйма и мягко опустился на песок. Другие чайки тоже приземлились, но им для этого достаточно было лишь слегка шевельнуть перьями. Они раскрыли свои белоснежные крылья, покачались на ветру и, меняя положение перьев, остановились в то самое мгновение, когда их лапы коснулись земли. Это был прекрасный маневр, но Джонатан слишком устал, чтобы его повторить. Он все еще не произнес ни слова и заснул, стоя на берегу.

В первые же дни Джонатан понял, что здесь ему предстоит узнать о полете не меньше нового, чем он узнал в своей прежней жизни. Но разница все-таки была. Здесь жили чайки - единомышленники. Каждая из них считала делом своей жизни постигать тайны полета, стремиться к совершенству полета, потому что полет - это то, что они любили больше всего на свете. Это были удивительные птицы, все без исключения, и каждый день они час за часом отрабатывали технику движений в воздухе и испытывали новые приемы пилотирования.

Джонатан, казалось, забыл о том мире, откуда прилетел, и о том месте, где жила Стая, которая не знала радостей полета и пользовалась крыльями только для добывания пищи и для борьбы за пищу. Но иногда он вдруг вспоминал.

Он вспомнил о родных местах однажды утром, когда остался вдвоем со своим наставником и отдыхал на берегу после нескольких быстрых бочек, которые он делал со сложенными крыльями.

- Салливан, а где все остальные? - спросил он беззвучно, потому что вполне освоился с несложными приемами телепатии здешних чаек, которые никогда не кричали и не бранились. - Почему нас здесь так мало? Знаешь, там, откуда я прилетел, жили.....

- Тысячи тысяч чаек. Я знаю. - Салливан кивнул. - Мне, Джонатан, приходит в голову только один ответ. Такие птицы, как ты - редчайшее исключение. Большинство из нас продвигается вперед так медленно. Мы переходим из одного мира в другой, почти такой же, и тут же забываем, откуда мы пришли; нам все равно, куда нас ведут, нам важно только то, что происходит только сию минуту. Ты представляешь, сколько жизней мы должны прожить, прежде чем у нас появится первая смутная догадка, что жизнь не исчерпывается едой, борьбой и властью в Стае. Тысячи жизней, Джонатан, десять тысяч! А потом еще сто жизней, прежде чем мы начинаем понимать, что существует нечто, называемое совершенством, и еще сто, пока мы убеждаемся: смысл жизни в том, чтобы достигнуть совершенства и рассказать об

этом другим. Тот же закон, разумеется, действует и здесь: мы выбираем следующий мир в соответствии с тем, чему научились в этом. Если мы не научились ничему, следующий мир окажется таким же, как этот, и нам придется снова преодолевать те же преграды с теми же свинцовыми гирями на лапах.

Он расправил крылья и повернулся лицом к ветру.

- Но ты, Джон, сумел узнать так много и с такой быстротой, что тебе не пришлось прожить тысячу жизней, чтобы оказаться здесь.

И вот они снова поднялись в воздух, тренировка возобновилась. Сделать бочку вдвоем трудно, потому что в перевернутом положении Джонотану приходилось, летя вверх лапами, соображать, как выгнуть крылья, чтобы выполнить оставшуюся часть оборота, сохраняя безупречную согласованность движений со своим учителем.

- Попробуем еще раз, - снова и снова повторял Салливан. - Попробуем еще раз. - И наконец: - Хорошо!

Тогда они начали отрабатывать внешнюю петлю. .

Однажды вечером чайки, которые не улетели в ночной полет, стояли вместе на песке, они думали. Джонатан собрался с духом и подошел к Старейшему - к чайке, которая, как говорили, собиралась вскоре расстаться с этим миром.

- Чианг... - начал он, немного волнуясь.

Старая чайка ласково взглянула на него:

- Что, сын мой?

С годами Старейший не только не ослабел, а наоборот, стал еще сильнее, он летал быстрее всех чаек в Стае и владел в совершенстве такими приемами, которые остальные еще только осваивали.

- Чианг, этот мир... это вовсе не небеса?

При свете луны было видно, что Старейший улыбнулся.

- Джонатан, ты снова учишься, - сказал он.

- Да. А что ждет нас вперед? Куда мы идем? Разве нет такого места - небеса?

- Нет, Джонатан, такого места нет. Небеса - это не место и не время. Небеса - это достижение совершенства. - Он помолчал. - Ты, кажется, летаешь очень быстро?

- Я... я очень люблю скорость, - сказал Джонатан. Он был поражен - горд! - тем, что Старейший заметил его.

- Ты приблизишься к небесам, Джонатан, когда приблизишься к совершенной скорости. Это не значит, что ты должен пролететь тысячу миль в час, миллион, или научиться летать со скоростью света. Потому что любая цифра - это предел, а совершенство не знает предела. Достигнуть совершенной скорости, сын мой - это значит оказаться там.

Вдруг Чианг исчез и тут же появился у кромки воды, в пятидесяти футах от Джонатана. Потом он снова исчез и через тысячную долю секунды уже стоял рядом с ним.

- Это просто шутка, - сказал он.

Джонатан не мог прийти в себя от изумления. Он забыл о небесах.

- Как тебе это удастся? Что ты чувствуешь, когда так летишь? Какое расстояние ты можешь пролететь?

- Пролететь можно любое расстояние в любое время, стоит только захотеть, - сказал Старейший. - Я побывал всюду и везде, куда проникала моя мысль. Он смотрел на морскую гладь. - Странно: чайки, которые отвергают совершенство во имя путешествий, не улетают никуда; где им, копушам! А те, кто отказывается от путешествий во имя совершенства, летают по Вселенной, как метеоры. Запомни, Джонатан, небеса - это не какое-то определенное место или время, потому что ни место, ни время не имеют значения. Небеса - это...

- Ты можешь научить меня так летать?

Джонатан дрожал, предвкушая радость еще одной победы над неведомым.

- Конечно, если ты хочешь научиться.

- Хочу. Когда мы начнем?

- Можно начать сейчас, если ты не возражаешь.

- Я хочу научиться летать, как ты, - сказал Джонатан, и в его глазах зажегся странный огонек. - Скажи, что я должен делать?

Чианг говорил медленно, зорко глядя в глаза своего молодого ученика.

- Чтобы летать с быстротой мысли или, говоря иначе, летать куда хочешь, - начал он, нужно прежде всего понять, что ты уже прилетел...

Суть дела, по словам Чианга, заключалась в том, что Джонатан должен отказаться от представления, будто он узник своего тела с размахом крыльев в 42 дюйма и ограниченным набором заранее запрограммированных возможностей. Суть в том, чтобы понять: его истинное "Я", совершенное, как ненаписанное число, живет одновременно в любой точке пространства в любой момент времени.

Джонатан тренировался упорно, ожесточенно, день за днем, с восхода солнца до полуночи. И, несмотря на все усилия, ни на перышко не сдвинулся с места.

- Забудь о вере! - твердил Чианг. - Разве тебе нужна была вера, чтобы научиться летать? Тебе нужно было понять, что такое полет. Сейчас ты должен сделать то же самое. Попробуй еще раз...

А потом однажды, когда Джонатан стоял на берегу с закрытыми глазами и старался сосредоточиться, он вдруг понял о чем говорил Чианг. "Конечно, Чианг прав! Я сотворен совершенным, мои возможности безграничны, я - Чайка!" Он почувствовал могучий прилив радости.

- Хорошо! - сказал Чианг, и в его голосе прозвучало торжество.

Джонатан открыл глаза. Они были одни - он и Старейший - на совершенно незнакомом морском берегу: деревья подступали к самой воде, над головой висели два желтых близнеца - два солнца.

- Наконец-то ты понял, - сказал Чианг, - но тебе нужно еще поработать над управлением...

Джонатан не мог прийти в себя от изумления:

- Где мы?

Необычный пейзаж не произвел на Старейшего никакого впечатления, как и вопрос Джонатана.

- Очевидно, на какой-то планете с зеленым небом и двойной звездой вместо солнца.

Джонатан испустил радостный крик - первый звук с тех пор, как он покинул Землю.

- ПОЛУЧАЕТСЯ!

- Разумеется, Джон, разумеется, получается, - сказал Чианг. Когда знаешь, что делаешь, всегда получается. А теперь об управлении....

Они вернулись уже в темноте. Чайки не могли отвести взгляда от Джонатана, в их золотистых глазах застыл ужас: они видели, как его вдруг не стало на том месте, где он провел столько времени в полной неподвижности. Но Джонатан не долго принимал их поздравления.

- Я здесь новичок! Я только начинаю! Это мне надо учиться у вас!

- Как странно, Джон, - сказал Салливан, стоявший рядом с ним. - За десять тысяч лет я не встретил ни одной чайки, которая училась бы с таким же бесстрашием, как ты.

Стая молчала. Джонатан в смущении переступал с лапы на лапу.

- Если хочешь, мы можем начать работать над временем, - заговорил Чианг, - и ты научишься летать в прошлое и будущее. Тогда ты будешь подготовлен к тому, чтобы приступить к самому трудному, самому дерзновенному, самому интересному. Ты будешь подготовлен к тому, чтобы летать ввысь, и поймешь, что такое доброта и любовь..

Джонатан быстро продвигался вперед даже с помощью обычных тренировок, но сейчас, под руководством самого Старейшего, он воспринимал новое, как обтекаемая, покрытая перьями вычислительная машина.

А потом настал день, когда Чианг исчез. Он спокойно беседовал с чайками и убеждал их постоянно учиться, и тренироваться, и стремиться как можно глубже понять всеобъемлющую невидимую основу вечной жизни. Он говорил, а перья его становились все ярче и ярче и наконец засияли так ос-

лепительно, что ни одна чайка не могла смотреть на него.

- Джонатан, - сказал он, и это были его последние слова, - постарайся постичь, что такое любовь.

Когда к чайкам вернулось зрение, Чианга с ними уже не было.

Дни шли за днями, и Джонатан заметил, что он все чаще думает о Земле, которую покинул. Знай он там одну десятую, одну сотую того, что узнал здесь, насколько полнее была бы его жизнь. Он стоял на песке и думал: что, если там, на Земле, есть чайка, которая пытается вырваться из оков своего естества, пытается понять, что могут дать крылья, кроме возможности долететь до шхуны и схватить корку хлеба. Быть может, она даже решилась сказать это во всеуслышание, и Стая приговорила ее к Изгнанию. И чем больше Джонатан упражнялся в проявлении доброты, чем больше он трудился над познанием природы любви, тем сильнее хотелось ему вернуться на Землю. Потому что, несмотря на свое одинокое прошлое, Джонатан был прирожденным наставником, и его любовь проявлялась прежде всего в стремлении поделиться добытой им правдой с каждой чайкой, которая ждала только благоприятного случая, чтобы тоже устремиться на поиски правды.

Салливан, который за это время вполне овладел полетами со скоростью мысли и уже помогал другим, не одобрял замыслов Джонатана.

- Джон, тебя некогда приговорили к Изгнанию. Почему ты думаешь, что те же чайки захотят слушать тебя сейчас? Ты знаешь поговорку и знаешь, что она справедлива: чем выше летает чайка, тем дальше она видит. Чайки, от которых ты улетел, стоят на земле, они кричат и дерутся друг с другом. Они живут за тысячи миль от небес, а ты говоришь, что хочешь показать им небеса - оттуда, с Земли! Да ведь они, Джон, не могут разглядеть концов своих собственных крыльев. Оставайся здесь. Помогай здесь новым чайкам, помогай тем, кто взлетел достаточно высоко, чтобы увидеть то, о чем ты хочешь им рассказать. - Он немного помолчал и добавил: - Что, если бы Чианг вернулся в свой старый мир? Где бы ты сам находился сегодня?

Последний довод был самым убедительным: конечно, Салливан прав.

ЧЕМ ВЫШЕ ЛЕТАЕТ ЧАЙКА, ТЕМ ДАЛЬШЕ ОНА ВИДИТ.

Джонатан остался и занимался новыми птицами, которые прилетали на небеса; они все были очень способными и быстро усваивали то, что им объясняли. Но к нему вернулось прежнее беспокойство, он не мог избавиться от мысли, что на Земле, наверное, живут одна-две чайки, которые тоже могли бы учиться. Насколько больше знал бы он сейчас, появившись Чианг рядом с ним в те дни, когда он был Изгнанником!

- Салли, я должен вернуться, - сказал он в конце концов. - У тебя прекрасные ученики. Они помогут тебе справиться с новичками.

Салливан вздохнул, но не стал возражать.

- Боюсь, Джонатан, что я буду скучать по тебе. - Вот и все, что он сказал.

- Салли, как тебе не стыдно! - с упреком воскликнул Джонатан. - Разве можно говорить такие глупости! Чем мы с тобой занимаемся изо дня в день? Если наша дружба зависит от таких условностей, как пространство и время, значит, мы сами разрушим наше братство в тот миг, когда сумеем преодолеть пространство и время! Но, преодолевая пространство, единственное, что мы покидаем, - это Здесь. А преодолевая время, мы покидаем только Сейчас. Неужели ты думаешь, что мы не сможем повидаться где-нибудь в промежутке между тем, что называется Здесь и Сейчас?

Салливан невольно рассмеялся.

- Ты совсем помешался, - сказал он ласково. - Если кто-нибудь в силах показать хоть одной живой душе на Земле, как охватить глазом тысячу миль, это наверняка Джонатан Ливингстон. - Он смотрел на песок. - До свидания, Джон, до свидания, друг.

- До свидания, Салли. Мы еще встретимся.

Произнося эти слова, Джонатан видел внутренним взором огромные стаи чаек на берегах другого времени и с привычной легкостью ощутил: нет, он не перья да кости, он - совершенное воплощение идеи свободы и полета, его возможности безграничны..

Флетчер Линд был еще очень молодой чайкой, но он уже знал, что не было на свете птицы, которой пришлось бы терпеть такое жестокое обращение Стаи и такую несправедливость!

"Мне все равно, что они говорят, - думал он, направляясь к Дальним Скалам; Он кипел от негодования, у него потемнело в глазах. - Летать - это вовсе не значит махать крыльями, чтобы перемещаться с места на место. Это умеет даже... даже комар. Какая-то одна бочка вокруг Старейшей Чайки, просто так, в шутку, и я - Изгнанник! Что они, слепы? Неужели они не видят? Неужели они не понимают, как мы прославимся, если в самом деле научимся летать?"

Мне все равно, что они обо мне думают. Я покажу им, что значит летать. Пусть я буду одиноким Изгнанником, если им так хочется. Но он пожалеет об этом, еще как пожалеет..."

Вдруг он услышал голос, и хотя это был очень тихий голос, Флетчер так испугался, что вздрогнул и застыл в воздухе:

- Не сердись на них, Флетчер! Изгнав тебя, они причинили вред только самим себе, и когда-нибудь они увидят то, что видишь ты. Прости их и помоги им понять.

На расстоянии дюйма от конца его правого крыла летела ослепительно белая, самая белая чайка на свете, она скользила рядом с Флетчером без малейших усилий, не шевеля ни перышком, хотя Флетчер летел почти на предельной скорости.

На мгновение у молодого Флетчера все смешалось в голове.

"Что со мной происходит? Я сошел с ума? Я умер? Что это значит?"

Негромкий спокойный голос вторгался в его мысли и требовал ответа.

- Чайка Флетчер Линд, ты хочешь летать?

- ДА, Я ХОЧУ ЛЕТАТЬ!

- Чайка Флетчер Линд, так ли ты сильно хочешь летать, что готов простить Стаю и учиться, и однажды вернуться к ним, и постараться помочь им узнать то, что знаешь сам?

Такому искусному, такому ослепительному существу нельзя было солгать, какой бы гордой птицей ни был Флетчер, как бы сильно его не оскорбили.

- Да, - сказал он едва слышно.

- Тогда, Флетч, - обратилось к нему сияющее создание с ласковым голосом, - давай начнем с Горизонтального Полета...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Джонатан медленно кружил над Дальними Скалами; он наблюдал. Этот неотесанный молодой Флетчер оказался почти идеальным учеником. В воздухе он был сильным, ловким и подвижным, но главное - он горел желанием научиться летать.

Только что он мелькнул рядом - с оглушительным шумом взьерошенный серый комок вынырнул из пике и пронесся мимо учителя со скоростью 150 миль в час. Внезапный рывок, и вот он уже выполняет другое упражнение - шестнадцативитковую вертикальную замедленную бочку - и считает витки вслух:...

- восемь... девять... десять... ой, Джонатан, я выхожу за пределы скорости... одиннадцать... я хочу останавливаться так же красиво и точно, как ты... двенадцать... черт побери, я никак не могу сделать... тринадцать... эти последние три витка... без... четырн... а-а-а!

Очередная неудача - Флетчер "сел на хвост" - вызвала особенно бурный взрыв гнева и ярости. Флетчер опрокинулся на спину, и его безжалостно закрутило и завертело в обратном штопоре, а когда он наконец выровнялся, жадно хватая ртом воздух, оказалось, что он летит на сто футов ниже своего наставника.

- Джонатан, ты попусту тратишь время! Я тупица! Я болван! Я зря стараюсь, у меня все равно ничего не получится!

Джонатан взглянул вниз и кивнул.

- Конечно, не получится, пока ты будешь останавливаться так резко. В самом начале ты потерял сорок миль в час! Нужно делать то же самое, только плавно! Уверенно, но плавно, понимаешь, Флетчер?

Джонатан снизился и подлетел к молодой чайке.

- Попробуем еще раз вместе, крыло к крылу. Обрати внимание на остановку. Останавливайся плавно, начинай фигуру без рывков..

К концу третьего месяца у Джонатана появилось еще шесть учеников - все шестеро - Изгнанники, увлеченные новой странной идеей: летать ради радости полета.

Но даже им легче было выполнить самую сложную фигуру, чем понять, в чем заключается сокровенный смысл их упражнений.

- На самом деле каждый из нас воплощает собой идею Великой Чайки - всеобъемлющую идею свободы, - говорил Джонатан по вечерам, стоя на берегу, - и безошибочность полета - это еще один шаг, приближающий нас к выражению нашей подлинной сущности. Для нас не должно существовать никаких преград. Вот почему мы стремимся овладеть высокими скоростями, и малыми скоростями, и фигурами высшего пилотажа.....

А его ученики, измученные дневными полетами, засыпали. Им нравились практические занятия, потому что скорость пьянила и потому что тренировки помогали утолять жажду знания, которая становилась все сильнее после каждого занятия. Но ни один из них, даже Флетчер Линд, не мог себе представить, что полет идей - такая же реальность, как ветер, как полет птицы.

- Все ваше тело от кончика одного крыла до кончика другого, - снова и снова повторял Джонатан, - это не что иное, как ваша мысль, выраженная в форме, доступной вашему зрению. Разбейте цепи, сковывающие вашу мысль, и вы разобьете цепи, сковывающие ваше тело...

Но какие бы примеры он ни приводил, ученики воспринимали его слова как занятную выдумку, а им больше всего хотелось спать.

Хотя прошел только месяц, Джонатан сказал, что им пора вернуться в Стаю.

- Мы еще не готовы! - воскликнул Генри Кэльвин. - Они не желают на видеть! Мы изгнанники! Разве можно навязывать свое присутствие тем, кто не желает тебя видеть?

- Мы вправе летать, куда хотим, и быть такими, какими мы созданы, - ответил ему Джонатан; он поднялся в воздух и повернул на восток, к родным берегам, где жила Стая.

Несколько минут ученики в растерянности не знали, что делать, потому что Закон Стаи гласил: "Изгнанники никогда не возвращаются", и за десять тысяч лет этот Закон ни разу не был нарушен. Закон говорил: оставайтесь; Джонатан говорил: полетим; и он уже летел над морем в миле от них. Если они задержатся еще немного, он встретится с враждебной Стаей один на один.

- Почему мы должны подчиняться Закону, если нас все равно изгнали из Стаи? - растерянно спросил Флетчер. - А если завяжется бой, от нас будет гораздо больше пользы там, чем здесь.

Так они прилетели в то утро с запада - восемь чашек в строю, двойным ромбом, почти касаясь крыльями друг друга. Они пересекли Берег Совета Стаи со скоростью сто тридцать пять миль в час: Джонатан впереди, Флетчер плавно скользил у его правого крыла, а Генри Кэльвин отважно боролся с ветром у левого. Потом, сохраняя строй, они все вместе медленно наклонились вправо... выровнялись... перевернулись вверх лапами... выровнялись, а ветер безжалостно хлестал всех восьмерых.

Будничные громкие ссоры и споры на берегу внезапно стихли, восемь тысяч глаз уставились, не мигая, на отряд Джонатана, как будто чайки увидели гигантский нож, занесенный над их головами. Восемь птиц одна за другой взмыли вверх, сделали мертвую петлю и, сбавив скорость до предела, не качнувшись, опустились на песок. Затем Джонатан как ни в чем не бывало приступил к разбору ошибок.

- Начнем с того, - сказал он с усмешкой, - что вы все заняли свое

место в строю с некоторым опозданием...

Одна и та же мысль молнией облетела Стаю. Все эти птицы - Изгнанники! И они вернулись! Но это... этого не может быть! Флетчер напрасно опасался драки: Стая оцепенела.

- Подумаешь, Изгнанники, конечно, Изгнанники, ну и пусть Изгнанники! - сказал кто-то из молодых. - Интересно, где они научились так летать?

Понадобился почти час, чтобы все члены Стаи узнали о Приказе Старейшего: НЕ ОБРАЩАТЬ НА НИХ ВНИМАНИЯ. Чайка, которая заговорит с Изгнанником, сама станет Изгнанником. Чайка, которая посмотрит на Изгнанника, нарушит Закон Стаи.

С этой минуты Джонатан видел только серые спины чаек, но он, казалось не замечал того, что происходит. Он проводил занятия над Берегом Совета и впервые старался выжать из своих учеников все, на что они были способны.

- Мартин! - разносился по небу его голос. Ты говоришь, что умеешь летать на малой скорости. Говорить мало, это надо еще доказать. Л_Е_Т_И!

Незаметный маленький Мартин Уильям так боялся вызвать гнев своего наставника, что, к собственному изумлению, научился делать чудеса на малой скорости.

Он располагал перья таким образом, что при малейшем ветерке поднимался до облаков и опускался на землю без единого взмаха крыльев.

А Чарльз-Роланд поднялся на Великую Гору Ветров на высоту двадцать четыре тысячи футов и спустился, посиневший от холодного разреженного воздуха, удивленный, счастливый и полный решимости завтра же подняться еще выше.

Флетчер, который больше всех увлекался фигурами высшего пилотажа, одолел шестнадцативитковую вертикальную замедленную бочку, а на следующий день превзошел самого себя: сделал тройной переворот через крыло, и ослепительные солнечные зайчики разбежались по всему берегу, откуда за ним украдкой наблюдала не одна пара глаз.

Джонатан ни на минуту не разлучался со своими учениками, каждому успевал что-то показать, подсказать, каждого подстегнуть и направить. Он летал вместе с ними ночью, и при облачном небе, и в бурю - летал из любви к полетам, а чайки на берегу тоскливо жались друг к другу.

Когда тренировки кончались, ученики отдыхали на песке, и со временем они научились слушать Джонатана более внимательно. Он был одержим какими-то безумными идеями, которых они не понимали, но некоторые его мысли были им вполне доступны.

Ночами позади кружка учеников постепенно начал образовываться еще один круг: в темноте любопытные чайки долгими часами слушали Джонатана, и, так как ни одна из них не хотела видеть своих соседей и не хотела, чтобы соседи видели ее, перед восходом солнца все они исчезали.

Прошел месяц после Возвращения, прежде чем первая Чайка из Стаи переступила черту и сказала, что хочет научиться летать. Это был Терренс Лоуэлл, который тут же стал проклятой птицей, заклеямым Изгнанником... и восьмым учеником Джонатана.

На следующую ночь от Стаи отделился Кэрк Мейнард; он проковылял по песку, волоча левое крыло, и рухнул к ногам Джонатана.

- Помоги мне, - проговорил он едва слышно, будто собирался расстаться с жизнью. - Я хочу летать больше всего на свете...

- Что ж, не будем терять время, - сказал Джонатан, - поднимайся в воздух, и начнем.

- Ты не понимаешь. Крыло. Я не могу шевельнуть крылом.

- Мейнард, ты свободен, ты вправе жить здесь и сейчас так, как тебе велит твое "я", твое истинное "я", и ничто не может тебе помешать. Это Закон Великой Чайки, это - Закон.

- Ты говоришь, что я могу летать?

- Я говорю, что ты свободен.

Так же легко и просто, как это было сказано, Кэрк Мейнард расправил крылья - без малейших усилий! - и поднялся в темное ночное небо. Стая

проснулась, услышав его голос; с высоты пяти тысяч футов он прокричал во всю силу своих легких:

- Я МОГУ ЛЕТАТЬ! СЛУШАЙТЕ! Я МОГУ ЛЕТАТЬ!

На восходе солнца почти тысяча чаек толпилась вокруг учеников Джонатана и с любопытством смотрела на Мейнарда. Им было безразлично, видят их или нет, они слушали и старались понять, что говорит Джонатан.

Он говорил об очень простых вещах: о том, что чайка имеет право летать, что она свободна по самой своей природе и ничто не должно стеснять ее свободу - никакие обычаи, предрассудки и запреты.

- Даже если это Закон Стаи? - раздался голос из толпы чаек.

- Существует только один истинный закон - тот, который позволяет стать свободным, - сказал Джонатан. - Другого пути нет.

- Разве мы можем научиться летать как ты? - донесся до Джонатана другой голос. - Ты особенный, ты талантливый, ты необыкновенный, ты непохож на других.

- Посмотрите на Флетчера! На Лоуэлла! На Чарльза-Роланда! На Джади Ли! Они тоже особенные, тоже талантливые и необыкновенные? Не больше, чем ты, не больше, чем я. Единственное их отличие, одно-единственное отличие состоит в том, что они начали понимать, кто они, и начали вести себя, как подобает чайкам.

Его ученики, за исключением Флетчера, беспокойно задвигались. Они не были уверены, что дело обстоит именно таким образом. Толпа росла с каждым днем, чайки прилетали, чтобы расспросить, высказать восхищение, поиздеваться.

- В Стае говорят, что ты Сын Великой Чайки, - сказал Флетчер однажды утром, разговаривая с Джонатаном после тренировочных полетов на Высоких Скоростях. - А если нет, значит ты опередил свое время на тысячу лет.

Джонатан вздохнул. "Цена непонимания, - подумал он, - Тебя называют дьяволом или богом."

- Как ты думаешь, Флетч? Опередили мы свое время?

Долгая пауза.

- По-моему, такие полеты были возможны всегда, просто кто-нибудь должен был догадаться и попробовать научиться так летать, а время здесь ни при чем. Может, мы опередили моду.

- Это уже кое-что, - сказал Джонатан, перевернулся через крыло и некоторое время скользил по воздуху вверх лапами. - Это все-таки лучше, чем опередить время.

Несчастье случилось ровно через неделю. Флетчер показывал приемы скоростного полета группе новичков. Он уже выходил из пике, пролетев сверху вниз семь тысяч футов - длинная серая змейка мелькнула на высоте нескольких дюймов над берегом, - когда на его пути оказался птенец, который совершал первый полет и звал свою маму. У Флетчера Линда была лишь десятая доля секунды, чтобы попытаться избежать столкновения, он резко отклонился влево и на скорости более двухсот миль в час врезался в гранитную скалу.

Ему показалось, что скала - это огромная кованая дверь в другой мир. Удушающий страх, удар и мрак, а потом Флетчер поплыл по какому-то странному-странному небу, забывая, вспоминая и опять забывая; ему было страшно и грустно, и тоскливо, отчаянно тоскливо.

Голос донесся до него, как в первый раз, когда он встретил Джонатана Ливингстона.

- Дело в том, Флетчер, что мы пытаемся раздвигать границы наших возможностей постепенно, терпеливо. Мы еще не подошли к полетам сквозь скалы, по программе нам предстоит заняться этим немного позже.

- Джонатан!

- Что ты здесь делаешь? Скала! Неужели я не... разве я не умер?

- Ох, Флетч, перестань! Подумай сам. Если ты со мной разговариваешь, очевидно, ты не умер, так или нет? У тебя просто резко изменился уровень сознания, только и всего. Теперь выбирай. Ты можешь остаться здесь и учиться на этом уровне, который, кстати, ненамного выше того, на котором

ты находился прежде, а можешь вернуться и продолжать работать со Стаей. Старейшины надеялись, что случится какое-нибудь несчастье, но они не ожидали, что оно произойдет так своевременно.

- Конечно, я хочу вернуться в Стаю. Я ведь только начал заниматься с новой группой!

- Прекрасно, Флетчер. Ты помнишь, мы говорили, что тело - это не что иное, как мысль?...

Флетчер покачал головой, расправил крылья и открыл глаза: он лежал у подножия скалы, а вокруг толпилась Стая. Когда чайки увидели, что он пошевелился, со всех сторон послышались злые пронзительные крики:

- Он жив! Он умер и снова жив!

- Прикоснулся крылом! Оживил! Сын Великой Чайки!

- Нет! Говорит, что не сын! Это дьявол! Дьявол! Явился, чтобы погубить Стаю!

Четыре тысячи чаек, перепуганные невиданным зрелищем, кричали: "Дьявол!" - и этот вопль захлестнул Стаю, как бешеный ветер во время шторма. С горящими глазами, с плотно сжатыми клювами, одержимые жаждой крови, чайки подступали все ближе и ближе.

- Флетчер, не лучше ли нам расстаться с ними? - спросил Джонатан.

- Пожалуй, я не возражаю...

В то же мгновение они оказались в полумиле от скалы, и разящие клювы обезумевших птиц вонзились в пустоту.

- Почему труднее всего на свете заставить птицу поверить в то, что она свободна, - недоумевал Джонатан, - ведь теперь каждая птица может убедиться в этом сама, если только захочет чуть-чуть потренироваться. Почему это так трудно?

Флетчер все еще мигал, он никак не мог освоиться с переменной обстановки.

- Что ты сделал? Как мы здесь очутились?

- Ты сказал, что хочешь избавиться от обезумевших птиц, верно?

- Да! Но как ты...

- Как все остальное, Флетчер. Тренировка..

К утру Стая забыла о своем безумии, но Флетчер не забыл:

- Джонатан, помнишь, как-то давным-давно ты говорил, что любви к Стае должно хватить на то, чтобы вернуться к своим сородичам и помочь им учиться?

- Конечно.

- Я не понимаю, как можно любить обезумевшую стаю птиц, которая только что пыталась убить тебя.

- Ох, Флетч! Ты не должен любить обезумевшую стаю птиц! Ты вовсе не должен воздавать любовью за ненависть и злобу. Ты должен тренироваться и видеть истинно добрую чайку в них самих. Вот что я называю любовью. Интересно, когда ты, наконец это поймешь?

Я, кстати вспомнил сейчас об одной вспыльчивой молодой птице по имени Флетчер Линд. Не так давно, когда этого самого Флетчера приговорили к Изгнанию, он был готов биться насмерть со всей Стаей и создал на Дальних Скалах настоящий ад для своего личного пользования. Тот же Флетчер создает сейчас свои небеса и ведет туда свою Стаю.

Флетчер обернулся к Джонатану, и в его глазах промелькнул страх.

- Я веду? Что означают эти слова: я веду? Здесь ты наставник. Ты не можешь нас покинуть!

- Не могу? А ты не думаешь, что существуют другие стаи и другие Флетчеры, которые, может быть, нуждаются в наставнике даже больше, чем ты, потому что ты уже находишься на пути к свету?

- Я? Джон, ведь я обыкновенная чайка, а ты.....

- единственный Сын Великой Чайки, да? - Джонатан вздохнул и посмотрел на море. - Я тебе больше не нужен. Продолжай поиски самого себя - вот что тебе нужно, старайся каждый день хоть на шаг приблизиться к подлинному всемогущему Флетчеру. Он твой наставник. Тебе нужно научиться понимать его и делать, что он тебе велит.

Мгновение спустя тело Джонатана дрогнуло, засияло каким-то призрачным светом и начало таять в воздухе.

- Не позволяй им болтать про меня всякий вздор, не позволяй им делать из меня бога, хорошо, Флетч? Я - чайка. Я люблю летать, может быть...

- ДЖОНАТАН!

- Бедняга Флетч! Не верь глазам своим! Они видят только преграды. Смотреть - значит понимать, осознай то, что уже знаешь, и ты научишься летать.

Сияние померкло, Джонатан растворился в просторах неба.

Прошло немного времени, Флетчер заставил себя подняться в воздух и предстал перед группой совсем зеленых новичков, которые с нетерпением ждали первого урока.

- Прежде всего, - медленно сказал он, - вы должны понять, что чайка - это воплощение идеи безграничной свободы, воплощение образа Великой Чайки и ваше тело, от кончика другого, - это не что иное, как ваша мысль.

Молодые чайки насмешливо поглядывали на него. "Ну, ну, приятель, - думали они, - вряд ли это объяснение поможет нам сделать мертвую петлю". Флетчер вздохнул.

- Хм. Да... так вот, - сказал он и окинул их критическим взглядом. - Давайте начнем с Горизонтального Полета.

Произнеся эти слова, Флетчер вдруг действительно понял, что в Джонатане было столько же необыкновенного, сколько в нем самом.

"Предела нет, Джонатан? - подумал он - ну что же, тогда недалек час, когда я вынырну из поднебесья на твоём берегу и покажу тебе кое-какие новые приемы полета!"

И хотя Флетчер старался смотреть на своих учеников с подобающей суровостью, он вдруг увидел их всех такими, какими они были на самом деле, увидел на мгновение, но в это мгновение они не только понравились ему - он полюбил их всех.

"Предела нет, Джонатан?" - подумал он с улыбкой. И устремился в погоню за знаниями.